

УДК 81.161.1'22
ББК 81.411.2+81.001.4

Александр Петрович Майоров,
доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: map1955@mail.ru

Эволюционные семиотические ряды явлений культуры и их отражение в забайкальском региолекте XVIII века

В современной лингвистике актуально использование семиотических принципов исследования, позволяющих рассматривать исторические изменения явлений культуры в их соотношении с языковыми фактами, отражающими эти изменения. В статье рассматриваются регулярные явления замещения одного предмета другим с аналогичной функцией, которое оформляется знаками языка и представляет собой факт культурной преемственности. Данная закономерность получила в лингвокультурологии название «семиотический эволюционный ряд». Приводятся факты из области материальной и духовной культуры Забайкалья XVIII века, которые интерпретируются как семиотические эволюционные ряды. Были проанализированы примеры эволюционных семиотических рядов в области технологий, животноводстве и социальной организации общества XVIII века. Результаты исследования могут быть применены в области исторических аспектов этнолингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, когнитивной лингвистики, теории речевой коммуникации.

Ключевые слова: семиотический эволюционный ряд, забайкальский региолект XVIII века.

Alexander Petrovich Mayorov,
Doctor of Philology, Professor,
Buryat State University
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: map1955@mail.ru

Evolutionary Semiotic Ranges of Cultural Phenomena and their Reflection in Transbaikal Regiolect of the 18th Century

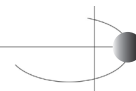
The use of semiotic principles permitting to regard historical evolution of cultural phenomena in their correlation with linguistic facts, which reflect this evolution, is of current importance in contemporary linguistics. Regular phenomena of substitution of one subject by another with the similar function are touched upon. Such substitution is manifested by linguistic units and appears to be a fact of cultural continuity. This regularity in linguistic culturology got the name "evolutionary semiotic range". Facts from the material and spiritual culture of Transbaikal of the 18th century, which are interpreted as evolutionary semiotic ranges, are represented in the article. Examples of evolutionary semiotic ranges in technologies, cattle-breeding, social organization of the 18th century were analysed. The results of the investigation may be used in the field of historical aspects of ethno-linguistics, linguistic culturology, cognitive linguistics, sociolinguistics, theory of verbal communication.

Keywords: evolutionary semiotic range, Transbaikal regiolect of the 18th century.

В изучении истории взаимодействия языка и культуры эффективным является семиотический подход, при котором в структуре концепта культуры выделяются определённые стадии (звенья), отражающие его последовательную эволюцию. Между стадиями вскрываются особые отношения преемственности формы и содержания. Нечто из старой стадии концепта становится знаком в его новой стадии. Такие отношения должны быть по этой причине связаны с принципом знака, точнее, с принципом организации знаковых систем. Иными словами, по терминологии Ю. С. Степанова, выстраиваются эволюционные семиотические ряды. Эволюционный семиотический ряд – это процесс, в котором некий новый предмет (вещь, вещество, изобретение, социальное явление) как форма в её широком смысле слова занимает в общественном быту и в общественном сознании

место какого-то прежнего предмета, принимая его функцию. Поскольку форма в этом случае выступает знаком занятого места, функции, назначения, постольку такие процессы и создаваемые ими ряды явлений Ю. С. Степанов называет семиотическими [6, с. 21–26].

Замещение одного предмета другим оформляется знаками языка, при этом номинация замещённого предмета или действия переходит на замещающее его. Известен пример автомобиля, занявшего место кареты и заодно заимствовавшего его название (*car* 'повозка' → *car* 'автомобиль'). В лингвистике такой перенос наименования больше известен как метафора по сходству функции или функциональный перенос значения. Однако автор этих строк склонен разграничивать понятие «функциональный перенос значения» и понятие «эволюционный семиотический ряд», различие которых будет рассмотрено

ниже. Введённое в обиход лингвокультурологи понятие эволюционного семиотического ряда даёт возможность представить и описать механизм смены самих реалий культуры, артефактов со схожими функциями, которая служит мотивацией для переноса названия. Иными словами, в рамках этой концепции, во-первых, с точки зрения лингвистики внимание привлекает сфера денотата; во-вторых, важен именно диахронный аспект – эволюция денотатной сферы, влекущая за собой функциональный перенос значения; в-третьих, интерес представляет формирование нового понятия в сигнификативном слое значения лексических единиц со всеми вытекающими из этого последствиями.

Эволюционные семиотические ряды как форма культурной преемственности обнаруживаются в самые разные исторические эпохи и в самых разных сферах жизнедеятельности человека. Подобная закономерность исторического преемства прослеживается в материальной и духовной культуре Забайкалья XVIII в.

Так, эволюционные семиотические ряды проявляются в сугубой замене функции, связанной с технологиями и инструментарием в разных видах производственной деятельности человека. Они обнаруживаются на всём протяжении развития цивилизации, и Забайкалье XVIII в. в этом случае не является исключением. В частности, семиотический ряд замены функций, связанных с технологиями, отражается в забайкальском региолекте XVIII в. в виде использования слова *бурундук* (*борундук*) в значении 'устройство с блоком, через который пропускается канат для тяги судна': Принято от магазинвахтера Серебренникова с товарищи вещей а откуда оные вступили о том у меня неизвестно <...> казеннаго дощеника <...> бурундукъ железной – 1 [9, ф. 88, 1767]. – При оных судах <...> веревокъ бечевых негодных сажень – 125 бурундуковъ железных с веревками ветхими – 4 [9, ф. 88, 1767]. Этимология этого слова известна: по происхождению оно из тюрк., ср. др.-тюрк. *burunduq* 'повод, прикрепляемый у продетому в нос верблюда стерженьку' [1, с. 145–146]. Использование каната по аналогии с поводом для верблюда имело схожую функцию – *бурундук* выступал как инструмент перемещения того, что является транспортным средством. Кроме того, *бурундук* 'канат для тяги судна' размещался в носовой части судна; сходство места расположения повода для верблюда и каната для судна послужило основанием для переноса названия.

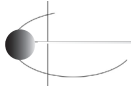
Безусловно, широко распространённым является наименование тех или иных инструментов, технических устройств, механизмов

посредством метафорического употребления зоонимов (*бык* 'береговая опора моста', *свинка* 'опалубка глинобитной печи', *козлы* 'подставка в виде жердей с укрепленными наклонно ножками и с настланными сверху досками' и т. п.). Как правило, основанием для переноса значения служит форма, внешний вид реалии. Слово *бурундук* как пример эволюционного семиотического ряда взят для анализа для того, чтобы избежать ошибочных, на наш взгляд, поисков функционального или метафорического переноса значения слова *бурундук*, обозначающего животного.

Главное отличие метафорического или функционального переноса значения от явления эволюционного семиотического ряда видится в следующем. В случае переноса значения слово становится многозначным, служа наименованием разных реалий и сохраняя между значениями семантическую связь. Когда же мы имеем дело с явлением эволюционного семиотического ряда, то тогда наблюдается замещение одного предмета другим с похожей функциональной нагрузкой, влекущее за собой полное вытеснение старой реалии и слова с тем значением, которое уже не является актуальным в новой действительности. Иначе говоря, происходит не расширение семантики слова, а смена одного значения другим вслед за вытеснением одного денотата другим. Так, слово *будильник* в XVIII в. имело значение 'тот, в чью обязанность входило будить людей': Будильникъ монахъ Глебъ Скорняков в марте дано холста дватцеть аршинъ [9, ф. 262, 1733]. Появление специального прибора с той же функцией вместо человека обусловило полную элиминацию прежнего значения и возникновение нового, характеризующего данный денотат.

Другие примеры эволюционных семиотических рядов прослеживаются в животноводстве. В истории известны случаи, когда в хозяйстве появлялось новое животное, на него переходило название того животного, чью функцию приняло новое. Так, по Н. Я. Марру, на лошадь в разных языках в своё время перешло название оленя [2, с. 123]. Сам Н. Я. Марр называл такой тип переноса названия функциональной семантикой. Наблюдения учёного подтверждались археологическими раскопками на Алтае, где были обнаружены ритуальные захоронения лошадей в масках оленей.

Отмеченный Н. Я. Марром перенос названия вслед за сменой животного другим, наследующим его функцию, подтверждается и материалом забайкальского регионального узуса XVIII в. В русском языке Забайкалья указанного периода слово *инга* обозначало самку верблюда. Однако это слово было ранее известно севернорусским говорам в зна-

чении 'самка оленя'. Таким образом, следует предположить, что слово материнских севернорусских говоров *инга* было использовано как средство номинации животного, выполняющего функцию производства потомства.

Характерно то, что аналогичные семантические процессы у исторически однокоренных образований имели место в тюркских и монгольских языках: бур. *инезн* (нижнеудин. говоры) 'лосиха' < тюрк. *iniy* 'самка лося', др.-тюрк. *inäk, inäk* 'корова' [1, с. 222]. Везде наблюдается перенос наименования в связи с тем, что у самки животного пол выступает функциональным признаком производства потомства. В качестве дополнительного подтверждения этого выступают сведения из этимологического словаря М. Фасмера: *инка* (*инька*) 'замужняя женщина у самоедов; русские на севере так называют всякую нерусскую женщину' [7, т. 2, с. 133].

Наконец, эволюционные семиотические ряды наблюдаются в социальной организации общества. Примечательным является пример из сферы делопроизводства XVIII в. Кардинальная реформа Петром I административно-управленческого аппарата Московской Руси по западноевропейскому образцу привела к созданию системы новых учреждений: Сената, Синода, коллегий и местных канцелярий и к формированию нового аппарата управления, известного в исторических трудах под названием коллегиальное (коллежское) делопроизводство, при котором значительным изменениям подверглась система жанров канцелярской документации.

Ярким примером движения в семиотических рядах в сфере делопроизводства XVIII в. служит книга. Изначально *книгой* называлась рукопись, состоявшая обычно из нескольких скрепленных вместе тетрадей; либо отдельная тетрадь такой рукописи [3, т. IV, 352]. Иными словами, до изобретения печатного станка книга – это прежде всего рукописное творение. Книги создавались по преимуществу в книжно-религиозной сфере: широко известны, например, такие письменные памятники как Остромирово евангелие, Ефремовская кормчая, Изборник Святослава 1073 г. и др.

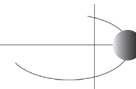
В старорусский период название *книга* переходит на похожий артефакт иного назначения. В забайкальском делопроизводстве *книгой* называли рукописную тетрадь для деловых записей регистрации кого-, чего-л. по определённой форме. Когда родилась книга как произведение печати в виде сброшюрованных, переплетённых вместе листов с каким-л. текстом [5, т. II, с. 62], она заняла место того артефакта, который был известен в письменной церковно-книжной традиции, а затем – в рукописном наследии деловой пись-

менности XVIII в. [4, вып. 10, с. 68]. Иначе говоря, прослеживается поэтапное замещение одного изобретения культуры другим с идентичной функцией, и сопровождается такое замещение сменой наименования.

Кроме того, в системе документов XVIII в. такие жанры, как ордер, квитанция, инструкция, представляют собой те официальные бумаги, которые будут заменены новыми в эволюционных семиотических рядах концептов делопроизводства. Их названия (*аттестат, ордер, квитанция, инструкция, ярлык* и др.) служат знаками функций, которые переходят к новым жанрам документов, замещающим старые. Например, квитанция в забайкальской деловой письменности XVIII в. – это документ с подписью, подтверждающий достоверность каких-л. фактов, событий и т. п.: И во время того наслег от него порутчика никаких обидь налогъ не было в том сия квитанция дана [9, ф. 88, 1771]. – Далъ сию квитанцию в томъ что в проезде ево того станца брацким иноверцамъ <...> никаких обидь чинено не было и безденежно ничего не брано в том и подписуюсь [10, с. 117, 1771]. Обычно сама форма документа служит основанием для того, чтобы его название переходило на документ, сходный по функциям. Слово *квитанция* стало применяться для обозначения документа с характерной формой расписки. В конце концов оно закрепилось за наименованием официальной расписки установленной формы в принятии денег, документов, ценностей и т. п. [5, т. II, с. 45].

Практически любые нововведения в той или иной сфере социальной организации общества осуществляются с опорой на указанные семиотические принципы, актуальность которых проявляется в том, что они придают эволюционный характер тем преобразованиям, которые задумываются в качестве кардинальных, революционных, способных эффективно и в то же время оперативно изменить существующее положение дел. Эволюционные семиотические ряды, связывая прошлое с настоящим, сглаживают или устраняют их непримиримость.

Здесь можно сослаться на пример формирования и развития казачьих войск на Руси, первоначальное возникновение которых связывается с влиянием татаро-монгольского ига. Не вдаваясь в анализ сложного процесса образования казачьих войск, их состава и организации, стоит отметить наименования казачьих офицерских чинов, которые представляют собой пример замещения одного предмета другим с аналогичной функцией, т. е. эволюционного семиотического ряда. Так, слово *есаул* в современном русском языке выступает со значением 'помощник атамана в казачьем отряде (старший офицер после

атамана)' и, соответственно, обозначает того, кто носит этот офицерский чин. Слово ведет своё происхождение от монг. *jasaul*, имевшего разнообразные фонетические варианты, со значением 'командир фланга, помощник командира, уставщик' [1, с. 203]. Скорей всего, в монгольском обществе исторического прошлого слово обозначало одного из военных чинов в известной со времен Чингис-хана структуре войска. В дальнейшем данное слово стало служить наименованием должностного лица в родовом правлении у монголов и бурят. В иерархии управления бурятским родом *есаул* занимал определённое место, находясь на должностной лестнице ниже *зайсанов* и *шуленег*, что, например, очевидно из одного забайкальского документа XVIII в.: – Собрат[ь] с нихъ иноверцовъ в презентъ денегъ гсдину ротмистру <...> з зайсановъ по рублю с шуленегъ по пятидесяти копзекъ с ясауловъ по дватцати по пяти копзекъ с рядовых по пяти копзекъ с человека [8, ф.634,

1742]. Принципы такого построения военного и гражданского общества послужили отправной точкой для организации казачьего войска у русских. В результате были заимствованы соответствующие должности и воинские звания с их наименованиями.

Таким образом, эволюционные семиотические ряды представляют собой универсальное закономерное явление в историческом развитии культуры, неразрывно связанное с его выражением в языке. Неуклонное развитие форм хозяйствования и иных форм человеческого бытия отражается в языке в виде эволюционных семиотических рядов. Их отражение в забайкальском региолекте XVIII в. лишний раз подтверждает закономерность подобного исторического преемства. Принцип эволюционных семиотических рядов выступает как эффективный приём анализа исторических изменений в сфере лингвокультурологических понятий, сопряжённых с проблемой номинации.

Список литературы

1. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. 768 с.
2. Марр Н. Я. Избр. работы. Т. III. Язык и общество. Л., 1934. 423 с.
3. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М. : Русский язык – Азбуковник, 1988–2003. Т. IV. 559 с.
4. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10. СПб. : Наука, 1998. 256 с.
5. Словарь русского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1983. Т. II. К-О. 736 с.
6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический Проект, 2004. 992 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986–1987. Т. II (Е-Муж). 672 с.

Источники

8. Картотека «Словаря русского языка XVIII в. : Восточная Сибирь. Забайкалье»
9. Национальный архив Республики Бурятия.
10. Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. / под ред. А. П. Майорова ; сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ, 2005. 260 с.

Spisok literatury

1. Anikin A. E. Jetimologičeskij slovar' russkih dialektov Sibiri: Zaimstvovanija iz ural'skih, altajskih i paleoaziatskih jazykov. Moskva ; Novosibirsk : Nauka, 2000. 768 s.
2. Marr N. Ja. Izbr. raboty. T. III. Jazyk i obwestvo. L., 1934. 423 s.
3. Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.). M. : Russkij jazyk – Azbukovnik, 1988–2003. T. IV. 559 s.
4. Slovar' russkogo jazyka XVIII veka. Vyp. 10. SPb. : Nauka, 1998. 256 s.
5. Slovar' russkogo jazyka : v 4 t. M. : Russkij jazyk, 1983. T. II. K-O. 736 s.
6. Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Izd. 3-e, ispr. i dop. M. : Akademicheskij Proekt, 2004. 992 s.
7. Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. M. : Progress, 1986–1987. T. II (E-Muzh). 672 s.

Istochniki

8. Kartoteka «Slovarja russkogo jazyka XVIII v. : Vostochnaja Sibir'. Zabajkal'e»
9. Nacional'nyj arhiv Respubliki Burjatija.
10. Pamjatniki zabajkal'skoj delovoj pis'mennosti XVIII v. / pod red. A. P. Majorova ; sost. A. P. Majorov, S. V. Rusanova. Ulan-Udje, 2005. 260 s.